

Здравствуй, мама!..

«Здравствуй, мама!

Я рад, что получилось начертать пару строчек. Рассчитываю, что оно сможет дойти. Надеюсь, что у тебя всё хорошо.

Меня направили в Первую ударную армию, едем на поезде куда-то под Москву. Довольно холодно, но спасает чай, который таскает Гена. Кормят неплохо, но я соскучился по твоим пирожкам и борщу...»

Кивнув рядом сидящему Витьке, я осторожно сложил письмо, написанное кривым от стука колёс почерком, и положил его в карман ещё новой гимнастёрки, каждому выдали такую перед отъездом. В вагоне стоял неприятный горьковатый запах табака, который мирно покуривал сидящий в уголке Федя.

- Федь, хватит уже курить эту гадость.

- Тебе жалко что-ли? Может, в последний раз прикурну, всё равно уже скоро приедем.

Выдохнув очередную порцию дыма, он достал из кармана штанов фотографию своей семьи и стал её рассматривал, сделав на своём лице угрюмую гримасу. Так проходили все вечера, которые мы проводили в вагоне поезда уже около недели, и они довольно сильно сблизили нас всех. Было ясно, что этот поезд в довоенное время использовали для перевозки различных товаров по пустым коробкам и стопкам сена в углах, поэтому часто парни находили среди сломанных деревянных ящиков различные фрукты и овощи, которые помогали нам более-менее наедаться.

Спустя около получаса стук колёс, наконец, стал становиться тише и тише, а через 10 минут и вовсе стих.

Открылась дверь, от которой тут же повеяло холодной и суровой российской зимой. За дверью стоял среднего роста усталый мужчина – шпалам на петлицах я сразу понял, что это был капитан, человек, который будет командовать нашей ротой.

Далее нас повели куда-то вглубь заснеженного леса. Дорожка, ведущая к командному наблюдательному пункту, была хорошо вычищена, а по бокам вздымались сугробы высотой около 1,5 метра. Шёл сильный снег, солдаты, изнурённые поездкой, медленно плелись вслед за довольно бодро идущим полковником. Дул не очень сильный, но холодный северный ветер, чуть ли не сносящий шапки с голов молодых солдат, только вышедших со сборных пунктов и не видевших войны.

Когда все построились, началась переключка. Каждый из 245 человек по одному выходил из строя, услышав свою фамилию. Когда же очередь дошла до меня, ноги, хоть и дрожали от волнения, но не подвели меня. Сжав кулаки, я сделал один шаг вперёд, оказавшись лицом к лицу с ротным.

- Павел Н., 23 года, родом из Саранска, красноармеец.

После переключки нам указали, где мы будем жить, и все, как тараканы, разбежались по землянкам.

Я же был поселён, к великому счастью, именно с теми парнями, с которыми ехал в поезде: Федя, Витя, Гена, Руслан и Дима.

Завалившись спать на лапник, который выступал в роли матраса и кровати, наша компания лениво перебрасывалась словами, кто-то из ребят тут же захрапел, а я, имея возможность, под тусклым светом догорающего остатка свечи достал из гимнастёрки письмо, осторожно развернул его и продолжил писать, иногда поглядывая на часы.

«...»

Время 21:05.

Мы приехали в расположение роты ещё пару часов назад.

Тут довольно тепло, нас покормили гораздо лучше, чем в поезде. Спим на лапнике, он ещё мягкий, словно перина...»
Решив дописать письмо матери ранним утром, я потушил свечу и в полной темноте лёг рядом с моими товарищами, погружаясь в беспробудный до самого утра сон.

Спозаранку, конечно, мне никто не дал дописать письмо, так как нас сразу отправили на грузовиках в сторону военных действий.

Проезжая мимо деревень, маленьких домиков, я осознавал, что будет, если фашисты всё-таки смогут захватить нашу страну. Всё это – все эти маленькие сараи, домишки, курятники и даже собачьи будки – будет разорено. Люди, все до единого, несмотря на возраст и половое различие, будут убиты или подвержены пыткам. Везде будет только пустота и ничего более. И из-за этого чувства возникало чувство ответственности, чувство долга перед своей страной и Отчизной.

Подъехав к какой-то деревеньке, мы вылезли из машин и начали готовиться к бою, потому что вчера вечером разведка соседней роты доложила о скором приближении фашистского отряда к этой деревеньке – около суток.

Шли томительные часы ожидания. Мы разгружали тяжёлые ящики с патронами и снарядами, дабы спрятать их.

Наконец, когда со всем было покончено, мы устроились в кузовах грузовиков и, слава Богу, нам дали выпить горячего чая, а иначе мы бы просто умерли от окоченения. Пока мы пили чай, Дима, найдя у местных жителей гармошку, начал играть какую-то мелодию. Приятная музыка разливалась по согревшемуся пространству кузова, все подпевали знакомому мотиву, и на душе было так спокойно и радостно, что можно было позабыть о том, что мы находимся в зоне военных действий, что где-то недалеко в боях умирают люди...

«...»

Время 14:02, дата ...

Сейчас у нас привал, пьём тёплый чай. Дима, оказывается, неплохо играет на гармошке, правда у неё западают несколько клавиш, но получается очень даже складно.

На улице метель, враг, наверное, должен быть, чтобы переждать её...»

Через час после нашего чаепития ротный, заглянув в наш кузов, приказал быстро собираться и приготовиться к бою. Мы тут же повскакивали со своих мест и взяли необходимые вещи.

Затаившись в засаде, мы с неким страхом неизвестности ожидали нападения врага. Из глубин леса послышалась пальба и немецкая речь – приближался противник. Ротный молча следил за ситуацией, ведь план был построен идеально, в нём не должно было быть каких-то оплошностей.

Подпустив врага максимально близко, ротный дал немой приказ о наступлении... Ох, как кровава была та битва. Потери шли как с вражеской, так и с нашей стороны. Число убиенных тел всё росло и росло, а белоснежный когда-то снег окрасился кровавыми и грязными пятнами.

Враг наступал и старался сломить нашу волю к победе, но наша рота была не из слабых, поэтому, выдержав основной гнёт фашистов, мы по приказу капитана, начали контратаковать.

Получив пулевое ранение в область плеча, я скрылся за каким-то деревом и, быстро вытащив из своей сумки бинт, перемотал им рану. Боли от адреналина и страха я не ощущал, поэтому снова ринулся в бой, будто и не был ранен вовсе.

Через несколько смертоносных часов бой окончился нашей победой, но при этом были потери в количестве 20 человек, а раненых, в том числе и меня, было около 60. В плен мы смогли захватить пару солдат и офицера, весь остальной отряд врага был уничтожен.

Вернувшись в штаб, раненых тут же отправили в мед. пункт, а мне пришлось терпеть жуткую боль от вытаскивания пули и наложения швов на живую. После всего случившегося, после виденья стольких мёртвых тел и сражения, хотелось просто закрыть глаза и думать, что это всё нереально, не по-настоящему, что вот, я открою глаза и окажусь дома в своей постели, потом выйду из комнаты, а по дому будет разноситься запах свежего хлеба и молока, только из-под коровы, и мама стоит на кухне, мягко улыбаясь, а под

её глазами соберутся уже появляющиеся морщинки... С подобными мыслями я провалился в глубокий сон.

Домой после этого сражения я приезжал всего два раза за эти 4 года. Мама, встречая меня на пороге, обливалась горькими слезами, а мне было горестно и обидно, что я не могу раньше времени вернуться к ней, ведь, будучи единственным её ребёнком, я рос только с ней – отец не вернулся с Первой мировой.

Будучи на фронте, из красноармейца я стал старшиной и дошёл до Берлина. На фронте я нашёл свою любовь – помощница врача Мария, к которой я испытывал прекрасное и нежное чувство, в последствии оказавшееся взаимным.

Столь долгая, утомительная и кровавая война между двумя державами окончилась победой Красной армии над фашистскими захватчиками. Это событие как радостное, так и очень печальное, ведь на войне погибло очень много людей – всех не пересчитать. И люди, почитая память тех, кто сделал небо чистым, кто подарил свободу русскому народу, устанавливают памятники, возлагают цветы и передают эту память будущим поколениям.

«...Не переживай, скоро приеду домой.

Люблю,

Твой сын Паша.»